

Галилея и ея святыни.

„Будетъ отъ рода въ родъ оставаться (земля) опусты-
лою.... и завладутъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ и воронъ
поселятся въ ней... и заростутъ дворцы ея колючими растені-
ями, крапивою и репейникомъ—твердыни ея и будетъ она жи-
лищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни
будутъ встрѣчаться съ дикими кошками и львіе будутъ пе-
рекликиваться одинъ съ другимъ; тамъ будетъ отдыхать ноч-
ное привидѣніе и находить себѣ покой...; тамъ и коршуны
будутъ собираться одинъ къ другому“. (Ис. XXXIV, 10—11,
13—15).

Галилея въ ея прошедшемъ и настоящемъ.

Слова пророка, имѣющія прямое отношеніе къ Сіону, со всею
ихъ поражающею подробностью сбылись и въ отношеніи къ Галилеѣ.
Здѣсь нѣкогда жизнь была ключемъ. Торговые, длинные караваны
одинъ за другимъ шли по дорогамъ, пересѣкавшимся въ Галилеѣ,
изъ конца въ конецъ: Дамаскъ, Акра, Яфа и Іерусалимъ обмѣнива-
лись своими произведеніями и товарами чрезъ Галилею. Грозные рим-
скіе легіоны въ блестящемъ вооруженіи шли или завоевывать еще не
завоеванные ея уголки, или истреблять шайки разбойниковъ, нахо-
дившихъ себѣ удобный притонъ въ многочисленныхъ горахъ, пеще-

рахъ и ущельяхъ. Лодки, судна бороздили поверхность Тиверіадскаго моря. Пахарь въ свое время выходилъ на поле и щедрою рукою сѣялъ сѣмя свое; въ виноградникахъ стоялъ неумолкаемый шумъ, говоръ, смѣхъ и веселіе. А въ предпраздничные великіе дни толпы пилигримовъ съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ двигались по направленію къ великому городу, славы Израиля—Іерусалиму. Римлянинъ, сиріецъ, арабъ и грекъ, житель дальней Африки и неменѣе дальней Испаніи наполняли базарныя площади. Хитрый, лицемѣрный фарисей шелъ медленною поступью въ синагогу, а за нимъ толпа его учениковъ, либераль и приспѣшникъ Рима—саддукей пробирался во дворцы вельможъ и сильныхъ міра. А вотъ и страстный, пылкій зилоть, обдающій взглядомъ глубокой ненависти все, что напоминаетъ ему слѣды римскаго ига, что будить его чуткое, оскорбленное національное самолюбіе: не разъ онъ въ порывѣ безсильной злобы хватается за мечъ. Мытарь открываетъ свою „мытницу“ и взымаетъ пошлыны съ проходящихъ торговыхъ каравановъ. Все это живо двигалось, говорило, любило, ненавидѣло, страдало и радовалось.—А теперь? Теперь все таже плодородная почва, тѣже звенящія весело весной ручьи, таже нерѣдко бурное озеро, таже ясное, голубое глубокое небо, таже яркое жгучее солнце;—но все это безлюдно и пустынно, города лежатъ въ развалинахъ, поросли чертополохомъ и колючими растеніями; безъ слѣда трудолюбивой руки человѣка лежатъ невоздѣланными поля и виноградники, никого не радуется ни яркое солнце, ни ясныя звѣзды, ни чистота и прозрачность воздуха. Было время—лѣтъ тысячи двѣ тому назадъ—когда самый незначительный городокъ, напр. Тарихей, лежащій на берегу Тиверіадскаго озера, имѣлъ 40,000 жителей; теперь самый большой и населенный городъ имѣетъ не болѣе 6—7 тысячъ жителей. Все пришло въ упадокъ и нѣкогда прекрасныя дороги, перерѣзывавшія Галилею, подверглись порчѣ и разрушенію и только изрѣдка по нимъ пройдетъ караванъ верблюдовъ и муловъ. Изрѣдка встрѣчаются, словно оазисы въ пустынь, жалкіе поселки, съ своими крошечными мазанками, еще сильнѣе отбѣняющіе пустынность мѣстности.

Свѣтлый періодъ дѣятельности Спасителя въ Галилеѣ.

И тѣмъ не менѣе эта пустынная страна дорога нашему сердцу. Назаретъ, Капернаумъ, Кана, Наинъ—какія все славныя имена, не

смотря на то, что въ настоящее время они находятся въ полномъ упадкѣ. Священныя воспоминаія не отступаютъ отъ паломника, они сопровождаютъ его на каждомъ шагу. Суровая Іудея съ ея угрюмыми, обнаженными горами будитъ въ насъ мрачныя воспоминаія. Это попреимуществу мѣсто враговъ Спасителя, здѣсь злобой и ненавистью дышала атмосфера, здѣсь людское лицемеріе ковало свои ковы, чтобы наложить ихъ на Ираведника. На ряду съ безконечнымъ милосердіемъ и любовью Бога здѣсь со всею силою обнаружилась человѣческая испорченность, зло достигло крайняго своего напряженія. Если жизни Спасителя разматривать, какъ одинъ день, то конецъ этого дня проходить въ Іудеѣ: „Все носитъ мрачный отпечатокъ и отражаетъ борьбу страстей; горизонтъ подернутъ густыми тучами, слышны злобшіе и неумолкаемые раскаты приближающейся бури и солнце съ трудомъ, хотя и побѣдоносно, пробивается среди хаоса разъяренныхъ стихій“ (Глубоковскій. Лекціи, стр. 168). Наоборотъ, въ Галилеѣ проходитъ первая половина этого дня, полная свѣта, тишины, взаимной любви. Какъ полузакрывшіеся на ночь цвѣты тянутся къ солнцу, восшедшему въ полномъ блескѣ послѣ ночи непогоды и холода, такъ точно тянутся ко Христу изстрадавшіяся грѣшныя души, ища у Него свѣта и тепла себѣ. Онъ окруженъ атмосферою любви, преданности и внимательности. Всѣ попытки враговъ уловить Его терпятъ неудачу. Преданные ученики, восторженная толпа, готовая провозгласить Его царемъ, страждущіе — исцѣленные, полныя благодарности, слѣдуютъ за нимъ. Вся картина запечатлѣна мягкимъ колоритомъ и полна нѣжныхъ тснновъ, какъ мирный ландшафтъ подъ лучами яркаго свѣтила, изрѣдка затемняемый налетающими облачками.

Какъ нельзя лучше этому характеру начальной дѣятельности Христа соотвѣтствуетъ и время года, когда онъ выступилъ на общественную дѣятельность. Была весна, когда послѣ позднихъ дождей (въ концѣ марта и началѣ апрѣля) все цвѣло и благоухало. Поля покрылись налившимися и готовыми къ жатвѣ колосьями, деревья одѣлись въ свой праздничный нарядъ и цвѣты раскрыли свои чашечки. Все кругомъ было пестро, разнообразно, богато и красиво. Земля обнаружила всѣ свои силы и словно показывала всѣмъ, чѣмъ она могла бы быть всегда, если бы не была наравнѣ съ человѣкомъ

порабощена грѣху. Невольно приходитъ на память чудное описаніе весны въ книгѣ пѣснь пѣсней: „вотъ зима уже прошла и дождь пересталъ, миновалъ; цвѣты показались на землѣ, время пѣнія настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей, смоковницы распустили свои почки и виноградныя лозы, расцвѣтая, издають благоуханіе“ (II, 11—13). Также прекрасенъ, полонъ человѣческихъ и божественныхъ силъ, также благоденъ былъ и выступившій къ народу своему Христосъ, пришедшій возвѣститъ наступленіе *лѣта Господня благоприятна.*

Невелика вся Галилея и легко исходитъ ее изъ конца въ конецъ. Вся Палестина меньше самой малой изъ русскихъ губерній, а Галилея едва равняется $\frac{1}{8}$ всей Палестины. Съ востока на западъ ея крайнія границы отстоятъ не болѣе, чѣмъ на 45—50 верстъ, съ сѣвера на югъ—верстъ на 75.*) Хорошая дорога перерѣзываетъ ее съ запада на востокъ—отъ Акры къ Тиверіадѣ; въ болѣе худшемъ состояніи находятся дороги изъ Тиверіады на сѣверъ къ Кесаріи Филипповой и на югъ—черезъ Самарію къ Іерусалиму. Съ любого изъ возвышенныхъ пунктовъ—Сафедъ, Кармилъ, Таборъ можно обозрѣть всю страну и заранѣе намѣтить пункты паломничества.

Обозрѣніе Галилеи съ вершины г. Таборъ. Взойдемъ на вершину г. Таборъ и отсюда взглянемъ на разстилающуюся у нашихъ ногъ Галилею: она почти вся доступна нашему взору. Вонъ тамъ вдали на западъ видна узкая полоса Средиземнаго моря. Оно скрыто отъ нашихъ взоровъ хребтомъ Кармильской горы, на протяженіи 20 слишкомъ верстъ, тянущейся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Въ самое знойное время года, когда всѣ окрестности вблизи и вдали одѣваются въ мертвенный желтый цвѣтъ, когда вся растительность и зелень сожигаются солнцемъ, одинъ Кармилъ гордо возвышается во всемъ богатствѣ своей, никогда неувядающей зелени. Онъ высится на 1700 фут. надъ уровнемъ моря и его вершина иногда покрывается снѣгомъ. Эта священная гора, гора пророка Іліи. Суровый, аскетъ, грозный вѣщатель гнѣва Божія, ревнитель славы Іеговы скрывался въ пещерахъ этой горы. Вокругъ него собрались его ученики и обра-

*) $75 \times 50 = 3750$ кв. верстъ, а Палестина $225 \times 60 = 13500$ кв. верстъ (приблизительно).

зовали „пророческую школу“. Въ этотъ мрачный періодъ богоотступничества избраннаго народа, въ царствованіе Ахъва и Іезавели, они были почти единственными открытыми вѣщателями велѣній Іеговы, борцами религіи и нравственности. Весь міръ имъ былъ враждебенъ, и суровыя горы, мрачныя пещеры дали имъ пріютъ. На одномъ изъ отроговъ этой горы, носящемъ названіе Эль Магарка (холмъ всеожженія), дано было Ильею разительное доказательство истинности Іеговы, а на другомъ—Тель эль Катль (холмъ избіенія) были умерщвлены жрецы Вааловы, служители нечестія и разврата. Почти отвѣсною скалою саженой въ 100 вышины подходитъ г. Кармилъ къ морю. Здѣсь въ настоящее время стоитъ католическій Кармелитскій монастырь, отличающійся своею опрятностью и чистотою (это одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей); а у подножія его раскинулся грязный маленькій городишко Кайфа. Насколько грязенъ, неуютенъ самый городокъ, настолько пригородокъ его красивъ и опрятенъ: это чисто европейскій городокъ съ прямыми улицами, красивыми домами европейской архитектуры. Преимущественный составъ населенія этого пригорода представляютъ нѣмецкіе колонисты. Невдалекъ отъ этого города лежитъ другой болѣе древній, извѣстный еще въ В. З.—Акра или Птолемаида.

Б. Ермонъ. Передвинемъ нашъ взоръ къ сѣверу и предъ нами во всей красотѣ своей станетъ *Б. Ермонъ* съ своею бѣлоснѣжною вершиною. У его подножія лежитъ Кесарія Филиппова, освященная пребываніемъ въ ней Спасителя. Въ ея предѣлахъ изъ устъ рѣшительнаго Петра онъ услышалъ искреннее исповѣданіе вѣры въ себя, какъ Сына Божія. Одно древнее преданіе говоритъ, что изъ этого города происходила женщина, страдавшая кровотеченіемъ и исцѣленная Спасителемъ. Благодарная своему Исцѣлителю и Благодарителю по возвращеніи въ родной городъ она поставила въ своемъ домѣ скульптурное изображеніе Іисуса Христа и себя самой, припадающей ко Христу. Эта мраморная группа была уничтожена Юліаномъ—отступникомъ, приказавшемъ ее разбить. Городъ Кесарія древній Вааль Гадъ. Отсюда беретъ свое начало священный для каждаго жителя Палестины Іорданъ. Прекрасный климатъ, богатая растительность, обиліе воды все способствовало жизнерадостности и веселію. Не даромъ здѣсь получаетъ свое начало культъ бога счастья—Вааль Гада,

передшій позднѣе въ культъ греческаго бога Пана (откуда городъ получилъ новое названіе Панаи). Иродъ В. строитъ въ этомъ городѣ роскошный храмъ въ честь императора Августа, а Филиппъ, его сынъ четвертовластникъ дѣлаетъ его столицей, прекрасно обстраиваетъ и переименовываетъ въ Кесарію. Позднѣе онъ не разъ мѣняетъ свое имя. Какъ лежавшій почти на границѣ съ Сиріей и при Дамасскомъ пути онъ очень рано былъ сильно укрѣпленъ. Въ немъ праздновалъ свою побѣду надъ іудеями Титъ.

Гора Сафедъ. Почти на одной линіи съ Ермономъ нѣсколько южнѣе лежитъ г. Сафедъ съ городомъ того же названія. Съ береговъ Галилейскаго озера, изъ Каны, Капернаума, Наина и др. городовъ Галилеи этотъ городъ былъ виденъ, какъ на ладони. Вѣроятно о немъ говорилъ Спаситель въ своей нагорной бесѣдѣ: „не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы“. Незначительный во времена Спасителя городъ Сафедъ послѣ разрушенія Іерусалима становится однимъ изъ центровъ іудейства и іудейской талмудистической премудрости. Особенною славою у іудеевъ онъ пользовался въ XVI и XVII в.в. Этотъ городъ очень оригинально построенъ — амфитеатромъ и при томъ такъ, что крыши нижняго ряда домовъ служатъ въ собственномъ смыслѣ улицами для втораго ряда домовъ и т. д. Благодаря именно этому, городъ больше другихъ городовъ пострадалъ во время сильнаго землетрясенія въ 1837 г.: верхніе этажи домовъ слетѣли внизъ и въ этой грудѣ обломковъ и развалинъ нашли себѣ смерть 3500 человекъ іудеевъ.

Хауранъ и Гелвуй. Прямо на востокъ лежитъ предъ нами Галилейское озеро, а за нимъ Хауранъ, древняя Гавлонитида, Ватанея, десятиградіе. Когда-то это была цвѣтушая страна съ множествомъ городовъ и селеній; 10 изъ нихъ составляли особенный союзъ почти независимыхъ городовъ, находившихся подъ протекторатомъ Рима. Они вели оживленную торговлю и съ Іудеей и Галилеей и съ Сиріей. Теперь здѣсь все мертво и пусто: изрѣдка и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ мѣстность оживляется, это тогда, когда караваны паломниковъ-магометанъ идутъ изъ Дамаска въ Мекку. На югъ отъ Оавора — горы Самарійскія, а нѣсколько ближе — Гелвуйскія. Мрачныя воспоминанія будятъ онѣ. „Горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождя на васъ!“ горестно восклицалъ Давидъ, когда узналъ о

тяжеломъ пораженіи Филистимлянами войскъ израильскихъ и о гибели Саула и его сыновей. Вонъ, невдалекъ отъ нихъ пріютилась деревушка *Андоръ*, куда тайно ходилъ узнавать свою судьбу отверженный Богомъ царь Саулъ, а у берега Иордана—Беосанъ, на стѣнахъ котораго были вывѣшены филистимлянами трупы Саула и Ионафана, погибшихъ въ битвѣ, происшедшей на слѣдующій день.—Клиномъ отъ г. Кармилъ къ г. Гелвуйскимъ легла пестрымъ ковромъ, то зеленѣющая, то желтѣющая, отливая то изумрудною зеленью, то золотомъ посѣвшихъ хлѣбовъ, *долина Ездрилонская*, составляющая южную границу Галилеи. Обширная равнина (40×20 верстъ) она не разъ была свидѣтельницей великихъ битвъ. Здѣсь Гедеонъ поразилъ Мадіанитянъ, вторгшихся съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы Израиля, здѣсь палъ въ битвѣ съ Нехао доблестный царь іудейскій Іосія, смерть котораго горько оплакивала вся Іудея. На ней же у подножія горы произошла несчастная для Саула и его сыновей битва съ филистимлянами. Въ сѣверо-восточной части этой равнины лежитъ городъ, повидимому давшій названіе самой равнинѣ—г. *Изреель*, вторая столица сѣвернаго Израильскаго царства. Ахавъ роскошно украсилъ этотъ городъ, а Іезавель осквернила его построеніемъ въ немъ храма въ честь Астарты. Вотъ и поле Навуея, купленное тяжелою цѣною крови и провлятія. Ужасная кончина постигла Іезавель—эту поборницу язычества. Послѣ убійства Іорама, царя Израильскаго, Іиуй—орудіе отмщенія за нечестіе царя израильскаго—прибылъ въ Изреель. Онъ вышелъ во дворецъ, ища Іезавель, но та сама поспѣшила выйти къ нему навстрѣчу. „Миръ-ли замврю, убійцѣ государя своего?“ привѣтствовала она Іиуя. „Кто здѣсь со мною, кто!“ воскликнулъ послѣдній. Вошло два-три евнуха, и Іиуй велѣлъ выбросить Іезавель за окно. Она была выброшена, и кровь ея обрызгала стѣну дворца. Когда черезъ нѣсколько часовъ Іиуй отдалъ распоряженіе погребети Іезавель, ему доложили, что отъ нея остался только черепъ, ноги и кисти рукъ: остальное все было съѣдено псами. Такъ сбылось грозное предсказаніе пророка Божія.

Назаретъ. Дѣтство и отрочество Спасителя. Отъ этихъ дальнихъ пунктовъ Галилеи, ея окраинъ, перейдемъ къ тому, что лежитъ ближе къ нимъ. Спустимся съ горы и пойдемъ прямо на западъ къ священному для каждаго христіанина городу Назарету, гдѣ

въ тиши и уединеніи, въ полной неизвѣстности протекло дѣтство и отрочество Христа Спасителя. Отъ Оавора всего 10 верстъ. „Какъ горсть жемчужинъ въ сосудъ смарагдовомъ“ лежитъ онъ въ котловинѣ. Неизвѣстный въ В. З., городъ полуязыческой Галилеи, скрытый самою природою, промысломъ Божиимъ онъ предназначенъ былъ быть пріютомъ и городомъ Того, Кого весь міръ не можетъ вмѣстить. Здѣсь, на его улицахъ, не разъ съ своими сверстниками игралъ въ невинныя дѣтскія игры Божественный Младенецъ. Божество, скрытое въ плоти, ни въ чемъ въ немъ не сказывалось, развѣ въ чуткости сердца, любви, почтительности, ласковости. „Божественной природѣ Его было присуще всевѣдѣніе; но какъ человекъ, Онъ постепенно пріобрѣталъ познанія и входилъ во владѣніе истиною, при пособіи тѣхъ средствъ, какія находятся въ распоряженіи людей. Время Его юности не проходило даромъ; оно было временемъ труда, подъятаго Имъ для достиженія премудрости. Въ школѣ, или дома, Самъ или при руководствѣ учителей, Онъ учился и плодомъ этого ученія было то, что Онъ съ каждымъ годомъ, если не днемъ, исполняется все болѣе и болѣе премудрости, — той премудрости, источникомъ которой, по Сираху, „слово Бога всевышняго“ (Сир. I, 5). И это было замѣтно всѣмъ, которые знали Его и были подлѣ Него. Не пренебрегая знаніями полезными для жизни, Богочеловѣкъ въ годы своей юности погружался душою въ глубину того божественнаго слова, которое сообщено было Израилю чрезъ Моисея и пророковъ, и возрастая, поражалъ всѣхъ, входившихъ съ Нимъ въ соприкосновеніе, удивительнымъ знаніемъ закона и пророковъ и яснымъ пониманіемъ плановъ домостроительства Божія. Слово о Богѣ и отъ Бога — вотъ тотъ предметъ, изученію и усвоенію котораго посвящалъ время своей юности Божественный Отрокъ“. (Проф. В. Пѣвницкій. Юность Богочеловѣка. Прил. къ Мис. обозр. 1901 г. кн. 2). Ничто не говорило о будущемъ этого Младенца: миръ и любовь окружали Его. И только изрѣдка болью сжималось сердце любящей Матери, когда Она вспоминала слова праведнаго Симеона. Въ мастерской Іосифа, гдѣ Христосъ научился несложному ремеслу Своего отца (въ глазахъ окружающихъ), въ настоящее время показываютъ замѣчательную картину кисти одного изъ западныхъ художниковъ. Вечеръ. Мастерская скудно освѣщена лампадой; Отрокъ Христосъ встаетъ изъ за станка и рас-

правляетъ свои усталые члены. И въ эту минуту Онъ Самъ, а особенно Его тѣнь принимаетъ форму креста. Въ сторонѣ стоитъ Пр. Матерь и Ея лицо покрыто смертельнымъ ужасомъ. Что это — предсказаніе? — Проходили годъ за годомъ. Это были годы развитія Христа по чловѣчеству, подготовленія къ великому служенію и исполненію воли Отца. Здѣсь, въ кругу близкихъ Ему лицъ, Христось узналъ и темныя и свѣтлыя стороны жизни чловѣка, его горести и радости. Глубокая дѣтская вѣра переплеталась съ суевѣріями и ревность къ отеческимъ преданіямъ съ нетерпимостью къ иновѣрцамъ. Ложь, низость, своекорыстные расчеты, показное благочестіе, внутренняя пустота и на ряду съ этимъ — чистыя души, робко вглядывающіяся въ будущее, съ тревогой ожидающія „Утѣхи Израилевой“. Въ этомъ смѣшеніи добра и зла послѣднее безспорно господствовало и чловѣкъ безсильно бился въ его узахъ. Единосущный намъ по чловѣчеству Христось былъ близокъ къ послѣднему и характерною чертою Его является Его безконечная любовь къ падшимъ, состраданіе, жалостливость. Образъ Богочловѣка намъ понятнѣе и дороже, когда мы знаемъ, что Имъ было пережито, перечувствовано, что и нами, кромѣ грѣха. Полная униженія и снисхожденія къ людямъ жизнь Богочловѣка ни разу не проявила своего божественнаго могущества до выступленія на общественную дѣятельность. Оттого-то Его соотечественники такъ были упорны въ своемъ невѣріи: страннымъ имъ казалось, страннымъ, что Тотъ, чья жизнь — самая простая и обычная, происходила предъ ними, былъ никто иной, какъ самъ Мессія, Сынъ Божій. Его мнимый отецъ и мать, Его братья и сестры по плоти — все свидѣтельствовало не въ пользу Его: „нѣтъ пророку чести въ отечествѣ его“.

Домъ Іосифа. Тихій, благодатный уголокъ, наполняющій умиленіемъ душу того, кто съ полнымъ вниманіемъ останавливается на немъ. Вотъ домъ обручника — Іосифа; въ немъ показываютъ комнату благовѣщенія, комнату Іосифа и кухню Пр. Дѣвы. Эта святыня принадлежитъ католикамъ. Невдалекѣ находится источникъ чистой воды: согласно преданію восточной церкви, здѣсь именно произошло благовѣщеніе. Вѣроисповѣдная рознь раздѣлила святыню. Нельзя не вспомнить прекраснаго примиренія святости этихъ мѣсть, сдѣланнаго игум. Даніиломъ, русскимъ паломникомъ XII в.: онъ предполагаетъ,

что первое явленіе архангела было при источникѣ, куда за водою отправилась Пр. Дѣва, а второе—въ домѣ Іосифа.

Въ восточной части города указываютъ мастерскую Іосифа и mensa Christi—столь, за которымъ однажды вкушалъ пищу Христосъ съ учениками своими; тутъ же лежатъ и развалины той синагоги, которую не разъ посѣщалъ Спаситель въ дѣтствѣ и отрочествѣ и въ которой Онъ училъ своихъ соотечественниковъ. „И они исполнились ярости и вставъ, выгнали Его вонъ изъ города и повели на вершину горы... чтобы свергнуть Его. Но Онъ прошелъ среди ихъ и удалился“ (Луки IV, 28—30). Указываютъ и мѣсто низверженія, крутой фатовъ въ 50 обрывъ близи города. Это было, кажется, послѣднее посѣщеніе Христомъ своего родного города: годы мира и тишины, проведенные здѣсь, закончились вспышкой ненависти и оскорбленнаго самолюбія Его согражданъ.

Кана Галилейская. Отсюда пойдѣмъ къ берегамъ Галилейскаго озера и по пути не надолго остановимся въ Канѣ. Не грозными обличеніями Іліи или Іоанна, не проповѣдью суроваго аскетизма началась общественная дѣятельность Христа, а участіемъ и благословеніемъ скромныхъ человѣческихъ радостей. На долю человѣка въ его скорбномъ жизненномъ пути такъ мало выпадаетъ чистыхъ радостей и наслажденій невинныхъ, что они святы предъ Богомъ. Радость матери при рожденіи младенца, радость родителей и друзей при заключеніи брачнаго союза, при вступленіи двухъ доселѣ чуждыхъ другъ другу людей въ неразрывный союзъ, освящаемый именемъ Бога.—что можетъ быть святѣе и чище и что можетъ быть естественнѣе скромнаго пиршества по этому поводу? И если что либо грозитъ нарушить это кратковременное счастливое состояніе людей, развѣ не обязанность, не долгъ того, кто можетъ, отклонить эту опасность. „Вина не имутъ“! И Тотъ, Кто зналъ и радушіе хозяевъ и ихъ скромный достатокъ и неизбежное смущеніе, огорченіе ихъ, милостиво отклонилъ поводъ къ нарушенію человѣческой радости. Среди бѣдныхъ лачугъ селенія Кафръ-Кеина (Каны Галилейской) на мѣстѣ дома, гдѣ было брачное торжество, освященное присутствіемъ Спасителя, высится греческая церковь, въ которой хранятся два водоноса временъ Спасителя.

Геннисаретское озеро. Отъ Каны часа 4½ пути (16 вер.) и мы на берегахъ Галилейскаго озера. Семь морей создалъ Іегова въ Га-

дилеѣ, говорить Талмудъ, и изъ нихъ самое пріятное Ему-Геннисаретское. Прозрачныя и чистыя воды его полны рыбы, а берега пернатыхъ и животныхъ. Небольшое по вѣличинѣ (19 в. длины, около 9 ширины и не глубже 23 саж.) оно было однимъ изъ самыхъ бойкихъ и оживленныхъ мѣстъ въ Палестинѣ. Торговныя дороги шли по его берегамъ. Города—Тиверіада, Магдала, Виѣсаида, Капернаумъ, Виѣсаида Юлія, Тарихая лежали у водъ его. Содни лодокъ и судовъ торговыхъ, военныхъ, рыбацкихъ бороздили поверхность этого озера. Рыбаки закидывали свои сѣти и получали обильный уловъ; тутъ же на берегу рыбу сушили и солили (г. Тарихея и означаетъ мѣсто соленія). Чудная Геннисаретская долина тянулась по берегу отъ Тиверіады до Капернаума, полная роскошныхъ садовъ и плодоносныхъ полей. Лучшее вино добывалось изъ виноградниковъ Назарета и этой долины.

Тиверіада. Изъ незначительнаго селенія не задолго предъ явленіемъ Христа возникъ пышный городъ Тиверіада, выстроенный Иродомъ Антипою и долго считавшійся нечистымъ у іудеевъ, какъ построенный на мѣстѣ стараго кладбища. Какъ не принимавшій участія въ послѣднемъ возстаніи іудеевъ и сдавшійся добровольно Веспасіану, городъ былъ не только пощаженъ, но и получилъ немаловажныя льготы: іудеи въ немъ могли безпренятственно селиться. И вскорѣ онъ сталъ почти чисто іудейскимъ городомъ (каковымъ остается и доселѣ). Въ немъ было собрано и редактировано все то, что извѣстно у іудеевъ подъ именемъ мишны и махоры.

Капернаумъ. Къ сѣверу отъ Тиверіады на берегу озера лежитъ Капернаумъ (Тель-Хумъ), городъ, ставшій для Спасителя „своимъ городомъ“. Это былъ весьма бойкій и оживленный центръ. Находясь при Геннисаретскомъ озерѣ, онъ былъ очень удобенъ для занятія рыболовствомъ и этотъ промыселъ процвѣталъ здѣсь, а рыбная его торговля славилась даже въ столицѣ іудейской. Еще важнѣе было то обстоятельство, что онъ былъ пограничнымъ пунктомъ тетрархіи Ирода Антипы и лежалъ на торговомъ пути изъ Дамаска къ Средиземному морю и былъ узломъ дорогъ, шедшихъ къ Тиру, Сепфоридѣ и Иерусалиму. Поэтому въ немъ постоянно квартировалъ римскій гарнизонъ, имѣлись податной станъ („мытница“), куда вносились налоги особымъ откупщикамъ („мытарямъ“), и таможенная застава для взиманія пошлинъ съ проѣзжихъ торговыхъ каравановъ.

Теперь здѣсь все мертво и пусто. Развалины домовъ, дворцовъ и великолѣпной синагоги, выстроенной добрымъ сотникомъ-язычникомъ, поросли бурьяномъ. Мертвое молчаніе развѣ нарушаетъ крикъ птицы, пролетающей надъ развалинами, или шипѣнье змѣи, выползшей изъ развалинъ. Грозное слово Спасителя исполнилось. Пребываніе Спасителя въ немъ, многочисленныя чудеса, совершенныя здѣсь, не отрезвили жителей города, погрязшихъ въ тинѣ житейской суеты. „И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься“ (Мѡ. XI, 23).

Та же участь постигла и другіе два города, лежавшіе между Капернаумомъ и Тиверіадою, Виѡсаиду, изъ которой происходили ап. Филиппъ, Андрей и Петръ, и Магдалу, родину одной изъ величайшихъ женъ-христіанокъ Маріи Мадалины: на мѣстѣ перваго грустныя развалины, на мѣстѣ втораго жалкія лачуги.

Свящ. воспоминанія. Притчи. Для насъ эти города, равно и берега Геннисаретскаго озера, дороги въ своемъ прошломъ не своею торговлей, не сутолокою городской жизни, не роскошными дворцами и проч., а тѣмъ, что здѣсь все освящено присутствіемъ Богочеловѣка. Это тихое море, эти жалкія лачуги, эти развалины говорятъ о Его дѣятельности: сильнѣе и яснѣе воскрешаютъ въ нашей памяти событія изъ Его жизни, чудеса, притчи, наставленія. Когда внезапный вихрь вырвется изъ береговыхъ ущелій и подниметъ на озерѣ сильное волненіе, въ этомъ вихрѣ, стонѣ и рокотѣ волнъ, въ этомъ смятеніи стихій не слышится ли голосъ Спасителя: „маловѣрные, что вы такъ боязливы!“ Сквозь мракъ бурной ночи не виденъ-ли Онъ идущимъ по волнамъ къ намъ и протягивающимъ намъ руку помощи? А вотъ и лодка на берегу, тихо качается она на волнахъ. Также тихо качалась она и въ то далекое время и въ ней на кормѣ сидѣлъ Христосъ и съ этой импровизированной каѳедры говорилъ свои полныя глубокаго смысла притчи. Знакомыми образами Онъ вводилъ своихъ слушателей въ глубину своего божественнаго ученія. Вотъ сѣятель, щедрою рукою разбрасывающій сѣмена; рыбакъ, закидывающій сѣти; поле, открытое не только пшеницей, но и плевелами; женщина, заквашивающая тѣсто: дерево горчичное, широколѣтвистое, выросшее изъ маленькаго зернышка. И эти образы, взятые изъ міра физическаго, будучи перенесенными въ міръ нравственный, дѣлаютъ яснымъ ученіе Спасителя объ основываемомъ Имъ царствѣ Божіемъ, объ условіяхъ его

развитія и роста и о страшномъ судѣ Божіемъ надъ недостойными членами этого царства. Страшная базальтовая скала нависла надъ озеромъ при назарето-тиверіадской дорогѣ, словно сдвинутая съ своего основанія рукою исполина и остановившаяся въ своемъ наклонѣ къ морю. Не вызываетъ-ли она въ памяти слова Спасителя апостоламъ: „если бы вѣра ваша была какъ зерно горчичное и вы сказали бы горѣ этой: сдвигнися и ввергнися въ море.... исполнилось бы это“ (Мр. XI, 23).

Невдалекѣ отсюда при той же назарето-тиверіадской дорогѣ возвышаются два отрога Хаттинъ, извѣстная гора Блаженствъ. Между ними расположена довольно обширная долина. Выступъ одного изъ отроговъ словно предназначенъ къ проповѣди съ него собравшимся внизу. Здѣсь всю ночь провелъ Христосъ въ молитвѣ предъ великимъ актомъ избранія апостоловъ, той святой общины, которая явилась первымъ звеномъ въ постройкѣ великой Божіей Церкви на землѣ. Отсюда раздалось высокое ученіе, которому дивились и о которомъ говорили, что оно „со властію“. Это былъ призывъ къ нищетѣ „духомъ міра сего“, къ полному разрушенію всего того, чѣмъ человекъ жилъ и что считалъ самымъ главнымъ и существеннымъ въ жизни; призывъ къ постоянному памятованію о прежнемъ состояніи до воссоединенія съ Богомъ, къ душевной бодрости и алканью правды Божіей, воли Отца, которая есть пища человека; къ милосердію, чистотѣ сердца, способнаго въ себѣ отображать образъ всесвятаго Бога; къ миротворчеству, какъ активной добродѣтели и къ готовности на всевозможныя лишенія ради Призывающаго на новый путь и Спасающаго. Чистота сердца, чистота побужденій, любовь божественная должны быть отличительными чертами послѣдователей Того, Кто самъ безконечная любовь.

Чудеса. Эти мѣста, эти города и селенія были свидѣтелями того, что Христосъ былъ высокъ и святъ не только въ своемъ ученіи, но и въ дѣлахъ. Милосердый и любвеобильный Онъ шелъ на встрѣчу къ человечеству, страдавшему не только душевно, но и тѣлесно. Многочисленныя чудеса Спасителя это не только доказательства Его божественнаго посланничества (хотя они были, безспорно, и этимъ); это не только „знаменія“, но прежде всего „силы“ и „дѣло“. Они также были естественны въ Немъ, какъ естествененъ въ насъ любой нашъ поступокъ, дѣйствіе, клонящееся къ

облегченію страданій ближняго. Сквозь тѣлесную оболочку чловѣка Іисуса сквозило Божество Христа: Его божеская природа не могла быть равнодушною и безучастною къ чловѣческому горю и страданію, и она какъ бы вторгалась въ эту сферу и властно уничтожала корень страданій. Христосъ не могъ не творить чудесъ, ибо Онъ былъ Богочловѣкъ, но Онъ никогда не творилъ ихъ для собственной Своей славы, для доказательства своего божественнаго посланничества: искушеніе идти путемъ чудесъ было Имъ побѣждено еще въ пустынь, когда на предложеніе сатаны броситься съ крыла храма Онъ отвѣтилъ: „не искушай Господа Бога твоего“. Только холодный скепсисъ, тупое невѣріе не хочетъ видѣть всей естественности чудесъ Спасителя и или боязливо обѣгаетъ ихъ, подставляя на ихъ мѣсто другія естественныя событія, или дерзновенно ихъ отрицаетъ.

Вѣра четырехъ товарищей разслабленнаго трогаетъ Спасителя, а въ молчаливомъ, полномъ надежды, лихорадочномъ взорѣ самаго больного Онъ видитъ столько пережитаго страданія, такую страстную мольбу, что спѣшитъ избавить его отъ этихъ страданій. „Встань, возьми постель твою и иди въ домъ твой!“ (Мѡ. IX, 6). Слезы отца больной, единственной дочери, его состояніе близкое къ отчаянію, слабая, какъ „лень курящій“, вѣра его ведутъ Спасителя въ домъ Іаира, гдѣ уже раздаются вопли и стоны. „Талиѳа куми?“ сказалъ Онъ, и умершая тотчасъ встала и Онъ велѣлъ дать ей ѣсть.... (Мр. Лк.). Робость женщины, женская ея стыдливость и глубокая вѣра не только въ Него, но даже въ Его одежду умиляютъ Христа и Онъ подаетъ исцѣленіе женѣ кровоточивой: „вѣра твоя спасла тебя, иди въ миръ и будь здорова отъ болѣзни твоей“.

Время дѣятельности Спасителя въ Галилеѣ было временемъ свѣтлымъ и яснымъ, изрѣдка омрачавшимся налетавшими облачками людской злобы и невѣжества. Какъ добрый и разумный сѣятель, Онъ пользовался этимъ временемъ и Самъ и чрезъ своихъ апостоловъ щедрою рукою сѣялъ сѣмена своего ученія. Изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе Онъ неустанно ходитъ, неся съ собою лучи свѣта и добра. „Пойдемъ въ ближніе города и селенія, чтобы Миѣ и тамъ проповѣдывать“, говоритъ Онъ своимъ ученикамъ, звавшимъ Его обратно въ Капернаумъ. Синагога, частный домъ, гора, берегъ моря съ одинаковымъ удобствомъ являлись мѣстами проповѣди Спасителя. Эти

толпы народа, слѣдовавшія за Нимъ, были такъ бездомощны, такъ изнурены, словно овцы безъ пастыря, и въ своемъ безконечномъ милосердіи, какъ Домовладыка, Онъ принимаетъ ихъ въ обширномъ Божіемъ домѣ—на берегу моря и питаетъ не только духовно, но и тѣлесно. Шепотъ удивленія и восторга, взрывъ энтузіазма не разъ сопровождаютъ слова и дѣла Христа.

„Это были великіе, чудные дни“, говоритъ поэтъ,
Въ безднѣ битвъ и народныхъ печалей

Никогда со всемірныхъ скрижалей

Подъ волнами вѣковъ не исчезнутъ они...

По цвѣтущей странѣ Галилеи,

Окруженный апостоловъ вѣрныхъ толпой,

Онъ ходилъ, сѣя зерна по нивѣ людской,

Прививая святыя идеи.

Потонувшая въ масличныхъ кущахъ садовъ,

Пестрой ризой весны обвитая,

Золотымъ виноградомъ играя

По смѣющимся бархатнымъ склонамъ холмовъ,

Разстилалась предъ Нимъ Галилея;

Теревинны нависли тѣнистымъ шатромъ,

Пальма въ небѣ лазурномъ дрожала вѣнцомъ,

Разгарались гранаты, алѣя.

Тамъ, гдѣ море ласкаетъ прибрежный песокъ

Мелодической, робкой волною,

Тамъ, склонясь лучезарной главою,

Онъ сидѣлъ на скалѣ, а у ногъ

Живописныя группы народа

Волновались, великимъ внимая словамъ;

А надъ Нимъ возставалъ, какъ божественный храмъ,

Синій куполь небеснаго свода.

Какъ на праздникъ свѣтломъ, въ народахъ, цвѣты

Въ блескъ утра златомъ расцвѣтали,

И въ вѣнкахъ сребротканыхъ сіяли

Чаши дикихъ лилей. И сынамъ суеты

Онъ вѣщаль: „бросьте взоръ на лилею,

Что не ткетъ себѣ пышный, богатый виссонъ.

Но и въ яркой порфирѣ самъ царь Соломонъ

Не сравнится величіемъ съ нею“....

А когда за горами гасъ день золотой,

И въ затишьи торжественной ночи

Загорались звѣздныя очи,

Плыла лодка Христова по зыби морской,

Подъ ударомъ весла колыхаясь...

И на дивно звучащее слово Христа

Въ яркомъ звѣдномъ сіяньи небесъ высота

Эхомъ ангельскихъ трубъ отзывалась...“

Остановимся еще нѣсколько на берегахъ Геннисаретскаго озера.

Отроги Хаттинъ и долина, лежащая у подножія ихъ, была свидѣтельницей страшнаго пораженія Крестоносцевъ. То, что было куплено такою дорогою цѣною, сотнями тысячъ жизней погибло изъ за опрометчивости одного. Здѣсь въ 1187 г. произошла рѣшительная битва между Саладиномъ и королемъ Гвидо. Отрѣзанные отъ воды, томимые жаждой Крестоносцы пали духомъ и рѣшительный натискъ враговъ смялъ ихъ и обратилъ въ безпорядочное бѣгство. Вскорѣ послѣ этой битвы пало и недолгое время существовавшее Іерусалимское царство. Вся Палестина снова очутилась въ рукахъ магометанъ.

Арбела. Невдалекѣ отъ г. Магдалы, извѣстнаго въ древности своимъ развратомъ (за что онъ, по талмуду, и погибъ) идетъ на западъ узкая долина—вади Хамумъ—долина голубей (или Арбела). Высокіе и крутые края ея изрѣзаны пещерами, представляющими изъ себя цѣлый подземный городъ. Здѣсь нашла себѣ пріютъ въ началѣ царствованія Ирода В. шайка разбойниковъ, не только не платившая никому дани, но еще взиравшая съ другихъ. Уничтоженіе этой шайки—одно изъ славныхъ дѣлъ молодого Ирода, сдѣлавшее его очень популярнымъ среди народа. Чтобы уничтожить эту шайку, поселившуюся въ неприступныхъ мѣстахъ, были сверху спущены желѣзныя клѣтки съ римскими воинами. Металлическими крючьями они хватили мятежниковъ и сбрасывали внизъ. Когда очевиднымъ стала невозможность дальнѣшей борьбы, Иродъ предложилъ остальнымъ сдаться. И вотъ на глазахъ всего его отряда, стоявшаго внизу, разыгралась ужасная сцена: старикъ отецъ своими руками сбросилъ внизъ семерыхъ своихъ сыновей, рѣшившихъ сдаться, и съ дикимъ хохотомъ самъ бро-

сился за ними. Какъ его сыновья, такъ и онъ разбились до смерти. Подальше отъ этого ужаснаго и теперь неполнѣ безопаснаго мѣста.

Гора Ѡаворъ. Преображеніе Господне. Изъ этихъ мѣсть и окрестностей Тиверіадскаго озера направимся обратно къ г. Ѡавору. Священная гора среди равнины высится словно громадный стогъ сѣна. Она была извѣстна еще во времена Моисея; во времена судей у ея подножія было нанесено страшное пораженіе Сисарѣ Варакомъ. Ея вершина была очень рано укрѣплена. Въ 51 г. по Р. Х. здѣсь было избито полководцемъ Габиніемъ около 10 тысячъ возставшихъ іудеевъ; на ней же укрѣпился и Іосифъ Флавій и выдержалъ довольно продолжительную осаду.

Когда грозныя тучи все чаще и чаще стали омрачать свѣтлый день дѣятельности Христа въ Галилеѣ и приближалось время Его отшествія изъ міра, Онъ, покидая Галилею, одинъ изъ послѣднихъ дней провелъ на вершинѣ этой горы. Здѣсь не задолго предъ страданіями Онъ былъ прославленъ по человѣчеству и явилъ Свою славу тремъ Своимъ ученикамъ, „да уразумѣютъ страданіе Его вольное“. Былъ, вѣроятно, вечеръ, когда съ тремя любимыми учениками Христосъ взшелъ на вершину горы. Уставшіе апостолы послѣ краткой молитвы, завернувшись въ свои аббы, заснули. А Христосъ одинъ предъ лицомъ Отца Небеснаго продолжалъ горячо молиться. Его дѣло близилось къ концу и наступалъ рѣшительный моментъ борьбы съ княземъ міра сего. Съ человѣческой точки зрѣнія можно было считать дѣло Его проиграннымъ, потеряннымъ: симпатіи народа, послѣ рѣшительнаго отказа Спасителя къ провозглашенію Его царемъ, пошатнулись и Его пребываніе даже въ Галилеѣ нельзя было считать безопаснымъ. Враги отовсюду тѣснили Его, чувствуя подъ собою болѣе прочную почву: злобное обвиненіе Его въ совершеніи чудесъ силою веельзевула было принято тѣми, кто стоялъ на распутьи, не зная куда идти—за новымъ-ли руководителемъ, или остаться вѣрнымъ старымъ авторитетамъ. Даже въ кругу самыхъ близкихъ и дорогихъ лицъ Его исконный врагъ нашелъ себѣ орудіе: уже не разъ смутно въ душѣ Іуды шевелилась мысль о предательствѣ. А какъ слабы, какъ неподготовлены были остальные апостолы, какъ несовершенны были они. Молитва продолжалась почти всю ночь. Вдругъ необычайный блескъ отъ ризъ Спасителя и Его просвѣтленнаго лица разбудилъ апостоловъ. Въ изумленіи, еще не пришедшіе въ себя, полные

священнаго восторга и радости за своего прославленнаго Учителя смотрѣли они. „Господи хорошо намъ здѣсь быть“! невольно вырвалось у Петра. Два величайшихъ представителя В. Завѣта были свидѣтелями этого прославленія Христа. Но и здѣсь въ минуты высшей славы тѣнь креста не покидаетъ Спасителя: „многоласта же исходъ (кончину) Его“... Свѣтлое облако и голосъ Отца Небеснаго, свидѣтельствовавшей о Своемъ Сынѣ, повергли въ священный ужасъ апостоловъ они: пали ницѣ.

Инспекторъ Семинаріи, Свящ. *Д. Матвѣевъ*.

(Окончаніе будетъ).

Галилея и ея святыни.*)

Исцѣленіе бѣсноватаго. Въ то самое время, когда на горѣ были божество, любовь и миръ, звучалъ голосъ Отца Небеснаго, — внизу бушевали человѣческія страсти: злоба и ненависть, невѣріе торжествовали свою побѣду надъ смущеніемъ и колебаніемъ остальныхъ апостоловъ. Тяжелое горе постигло семью одного іудея: его сынъ съ дѣтства „злѣ бѣснуется въ новомѣсячїи“. Эти несчастные и часто невольные рабы злого духа вызывали особенное сочувствіе въ Спасителѣ. Своимъ бѣснованіемъ они рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствовали о силѣ въ этомъ мірѣ „духа злобы“. Это страшное и таинственное явленіе, столь часто повторявшееся въ теченіе земной дѣятельности Христа, нерѣдко наблюдается и въ настоящее время. Зло столько же физическое, сколько и нравственное — оно повидимому съ особою силою поражало тѣхъ, кто расшаталъ свой организмъ, ослабилъ волю и приготовилъ почву къ захвату всей своей личности личностью болѣе могучею и злою. Бѣснованіе не предполагаетъ непременно крайняго нравственнаго паденія. Туда, павшій

*) См. № 6 «Гоб. Еп. Вѣд.» с. г. Чтеніе прочитано было въ общественномъ собраніи 16 марта сего года.

столь низко и сознательно отдавшийся сатанѣ, не можетъ быть названъ бѣсноватымъ. Напротивъ, въ бѣсноватыхъ можно было замѣчать извѣстнаго рода протѣсть противъ овладѣвшаго имъ: истинная жизнь разбита, надъ нимъ тяготѣетъ чуждая власть, жестоко его поработившая и все болѣе отдаляющая бѣсноватаго отъ Того, въ Комъ одномъ можетъ найти разумное созданіе душевный миръ и счастье. Престоль занять чужимъ владыкою. Но сознание рабскаго своего состоянія, смутное воспоминаніе о прошлыхъ свѣтлыхъ дняхъ, чаяніе избавленія, — все это не чуждо душѣ бѣсноватаго и дѣлаетъ возможнымъ его исцѣленіе: искра высшей, божественной жизни хотя и слабо, но все же горитъ въ немъ, это-то на ряду съ воплями ужаса и криками — „зачѣмъ Ты прежде времени пришелъ мучить насъ!“ заставляеть напр. гадаринскаго бѣсноватаго поклониться Господу.

Однимъ изъ такихъ несчастныхъ былъ приведенный къ апостоламъ бѣсноватый — лунатикъ. И то, что не могли сдѣлать утратившіе вѣру апостолы, властнымъ словомъ сдѣлалъ Христосъ. Смиренная мольба отца, сознавшаго все свое недостойнство, всю слабость своей вѣры, горестно восклицавшаго: „Господи, помози моему невѣрію!“ была услышана. „Духъ нѣмый и глухой! выйди изъ него и впредь не входи!“ властно приказалъ Спаситель временному поработителю человѣка. И бѣсъ, послѣдній разъ сотрясши несчастнаго и повергнуши на землю, вышелъ изъ него. Это было одно изъ послѣднихъ чудесъ, совершенныхъ Спасителемъ въ предѣлахъ Галилеи. Вскорѣ Спаситель покидаетъ Галилею, чтобы идти туда, куда влекла Его воля Отца Небеснаго. Изъ этой тихой, благословенной страны, гдѣ Онъ нашелъ себѣ души преданныя и чуткія, гдѣ не разъ Его умиляли наивная, дѣтская вѣра толпы, ея часто неумѣренныя восторги, гдѣ общая молва говорила о Немъ: „все хорошо дѣлаетъ, и глухихъ дѣлаетъ слышащими и нѣмыхъ говорящими“; — Онъ ушелъ въ страну суровую и дикую — въ Іудею, гдѣ долженъ былъ встрѣтить суровыя, окаменѣлыя сердца. Онъ оставилъ Галилеянъ, о которыхъ даже Талмудъ отзывается съ почтеніемъ, говоря: „для Галилеянъ честь и доброе имя выше богатства, тогда какъ для іудея наоборотъ“. Позднѣе Спаситель опять сюда придетъ не надолго, но уже какъ Воскресшій, какъ побѣдитель ада. Свѣтлыя воды Галилейскаго озера снова отразятъ Его пречистый ликъ и послушныя голосу Того, Кто всѣмъ повелѣваетъ, рыбы озера наполнятъ въ изобиліи сѣть Петра и Іоанна.

Здѣсь будетъ возстановленъ въ своемъ апостольскомъ званіи Симонъ, сынъ Ионинъ, и здѣсь на одной изъ горъ Онъ явится болѣе, нежели пятистамъ братіи. Воскресшій, Онъ еще разъ обойдетъ эту страну, благословляя ее, прежде чѣмъ вознесется на небо.

Мы кончили свой обзоръ Галилеи. Эта тихая и священная страна всегда будетъ дорога нашему сердцу. Это—наше второе, духовное отечество, мѣсто нашего духовнаго возрожденія такъ же влечетъ къ себѣ, какъ и наша земная родина. Не даромъ число паломниковъ въ нее все увеличивается. Высокіе и чистые интересы связываютъ насъ съ нею и въ нихъ нѣтъ ничего своекорыстнаго и низменнаго. Либеральной Франціи святая земля дорога скорѣе по традиціямъ: сознаніе необходимости поддерживать старый престижъ—покровительницы христіанъ на востокѣ вынуждаетъ ее быть внимательною къ тому, что происходитъ въ этой странѣ, и тоже самое правительство, которое изгоняетъ изъ своихъ школъ преподаваніе Закона Божія, охотно ассигнуетъ ежегодно 500 тысячъ рублей на усиленіе католической пропаганды. Для Англии—святая земля представляетъ и научный интересъ и интересъ новыхъ путей въ глубину Азіи; для Германіи—это страна новыхъ колоній: въ ней она создаетъ свои форпосты въ своемъ движеніи на востокъ, приготовляетъ все къ захвату этой территоріи при недалекомъ уже раздѣлѣ „большаго человѣка“. Никакіе расчеты не влекутъ насъ туда: святыня сама по себѣ дорога и манитъ насъ къ себѣ. Все, что можетъ облегчить паломничество въ эту страну тысячъ русскихъ богомольцевъ, сдѣлать ихъ пребываніе въ св. землѣ болѣе сноснымъ и дешевымъ, болѣе сознательнымъ и осмысленнымъ—составляетъ прямую задачу Россіи. Упадокъ православія въ Палестинѣ, невѣжество туземцевъ, небрежность и полное равнодушіе алчныхъ грековъ къ поддержанію святынь въ должной чистотѣ и благолѣпнн, усиленіе католической и протестантской пропаганды намѣчаютъ и другую задачу—поддержаніе православія и распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ этой чужой по крови, но родной по духу странѣ. На ряду со страннопріимницами, гостинницами, больницами возникаютъ новыя церкви и школы. Двѣ школы въ Бетъ Джалѣ (близъ Виелеема) и Назаретѣ съ курсомъ учительскихъ семинарій, 87 низшихъ школъ, разсѣянныхъ по Палестинѣ и Сиріи, хотя отчасти выполняютъ свою высокую миссію—быть свѣточами

истиннаго просвѣщенія. Кое гдѣ помимо окрестностей Иерусалима и Яффы высятся и русскіе храмы (напр. въ Муджедилѣ, въ Хауранѣ и Канѣ Галилейской). Много трудовъ и заботъ положено здѣсь; на русскія деньги, собранныя грошами, воздвигнуты здѣсь памятники, достойные величія Россіи, но еще больше осталось сдѣлать. Надо помнить, что каждый храмъ, каждая школа, открытая въ этой странѣ—наша слава; чрезъ нихъ туземець невѣжественный и бѣдный узнаетъ о далекой холодной странѣ Бѣлаго Царя, бѣдной и убогой своими матеріальными достатками, но безконечно богатой неизсякаемымъ источникомъ доброты и любви не только къ приснымъ, но и къ отдаленнымъ—чужимъ.

Инспекторъ Семинаріи, Свящ. Д. Матвѣевъ.